

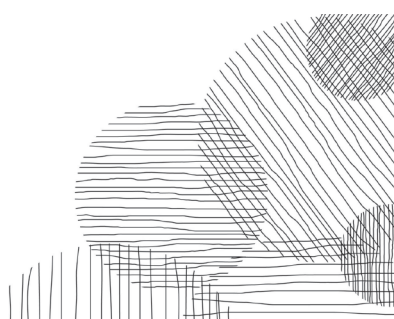
АСЯ ЗАНЕГИНА

ГОТИКА ПО-РУССКИ

**Призраки, ведьмы
и прочая нечисть
в русской литературе**

Издательство АСТ
МОСКВА

-
-
- Нет, теперь у нас русалок нет.
 - А прежде были?
 - Эге!
 - Отчего же они перевелись?

А. Амфитеатров. Жар-цвет

Как-то в парке я подслушала разговор двух пареньков-скейтбордистов, которые обсуждали, как им «до жути» нравится Стивен Кинг. «Круто пугает, ваще не уснуть!», — сказал первый, а второй подхватил: «Почему у нас таких писателей не было? Одну скукоту написали, а мы теперь читаем». «Эге, — подумала я, прямо как в цитате из эпиграфа к этой книге. — Это вы Одоевского не читали! И Погорельского! Да и Пушкину, вообще-то, есть, чем вас удивить, да так, что старина Стивен поклон бы отвесил вместе со своей Энни Уилкс и Джеком Торренсом».

Эта книга выросла из моего давнего увлечения готической культурой и литературой. У неё есть важная цель: показать, как и для чего пугали публику русские писатели, как наши мастера слова анатомировали страх — одну из самых древних эмоций, и художественно исследовали воздействие сверхъестественного на людскую психику. Когда в интеллектуальных и околоинтеллектуальных кругах речь заходит о литературной готике (бывает и такое), в первую очередь всегда вспоминают классическую английскую. Да, это направление родом из туманной Англии,

именно там зародилась мода на страшное в литературе и именно там поняли, каким облагораживающим, необычным и очищающим душу может быть страх, точнее, страх особого рода. Какого именно — мы с вами обязательно разберёмся. Истории о встающих из гробов мертвецах, вампирах, оборотнях и ведьмах переходят из эпохи в эпоху и интересны людям, которым любопытно заглянуть «за грань», «за смерть», узнать что-то такое, что расширит представление об этом мире, который нередко страшит своей беспощадной реальностью.

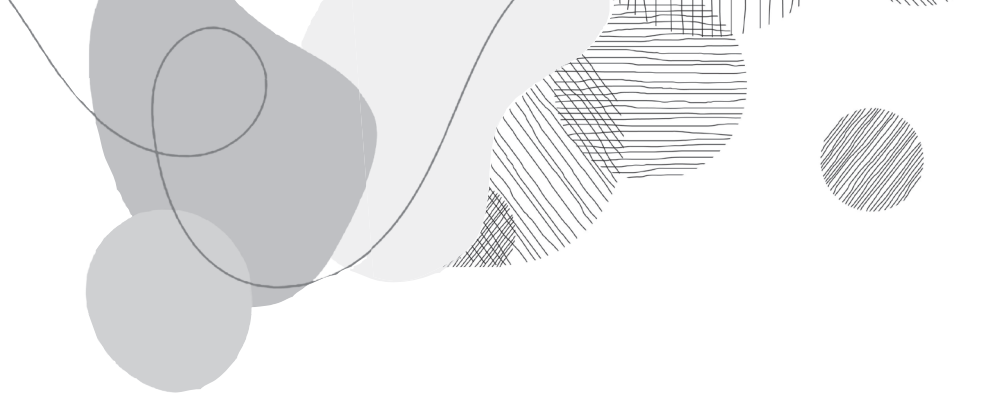
Когда я обучалась на филологическом факультете МПГУ, ко мне в руки попало замечательное исследование «Готический роман в России» выдающегося учёного Вадима Вацура — фундаментальный труд, написанный сложным, витиеватым языком. У нас действительно немало филологов, которые занимаются изучением готической образности у русских авторов, но моя книга — не сложное сложное академическое исследование. Хотя книга написана литературоведом, она призвана понятным языком рассказать о русской литературе «страха» и «ужаса» и о том, что в истории нашей словесности были свои «Стокеры» и «По». Мы с вами, дорогие друзья, посмотрим, какие мрачные замки, особняки с призраками и «нехорошие дома» описывали русские авторы и кого туда подселяли; чем отличаются отечественные упыри от западноевропейских; как на страницах русской страшной литературы английская и немецкая готика соседствует с восточнославянским фольклором. Да, по сути, река русской готической литературы протекает в двух направлениях. Первое — произведения, отчасти стилизованные под европейские готические романы и страшные повести, но с вкраплением самобытного индивидуально-авторского стиля отдельных мастеров. Второе — «исконно русская» готика. Так, с применением намеренного оксюморона я назову пугающие тексты русских авторов, в которых сохраняется готическая атмосфера,

ГОТИКА ПО-РУССКИ

но создаётся она исключительно средствами славянского, нередко сказочного колорита. В книге я сосредоточусь на «готическом эпицентре» русской литературы — это XIX — начало XX века. В этот период практически каждый русский писатель попробовал себя в готическом жанре. Как это у них получалось — вот и посмотрим.

Готическая литературная традиция в России всегда развивалась изящно и плавно, были спады и возрождения. Сейчас у нас наблюдается повышенный интерес к областям литературной тьмы и мглы — во многом благодаря проекту «Очень страшная книга» и ряду блестящих хоррор-авторов. Но у всех них были учителя, создавшие таинственные и часто пугающие страницы русской литературы: Гоголь, Толстой, Тургенев (да-да), Бестужев-Марлинский, Брюсов, Андреев, Куприн и многие другие, менее известные, но преинтересные писатели. Со многими из них я вас познакомлю. Разумеется, я не ставлю задачи поговорить обо всех авторах и произведениях, но хочу погрузить вас в самобытный мир русской готической литературы, одна из особенностей которой — приверженность малым формам, рассказам и повестям, в отличие от западной традиции многостраничных готических фолиантов типа «Монаха» или «Мельмота Скитальца».

Была ли литературная «готика» в России? Конечно. Какая она, готика «по-русски»? Давайте разбираться вместе. В общем, напишу так, как говорю в своих многочисленных роликах и лекциях по литературе: друзья, с вами литературовед Ася Занегина, добро пожаловать в совершенно уникальный мир русской готической литературы.

ГЛАВА I

ГОТИЧЕСКИЙ РАССВЕТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Остров Борнгольм»

**Николая Карамзина — первая готическая
повесть в русской литературе**

Остров неизъяснимою силою влѣк меня
к берегам своим.

Н. Карамзин. Остров Борнгольм

Николая Карамзина (1766–1826) знают все: с его «Бедной Лизой» неизбежно сталкиваются в школьной программе, а со стеллажей всех библиотек смотрит его многотомная «История государства Российского». Именно этот многогранный автор — основатель русской литературной готики.

Небольшая повесть Карамзина «**Остров Борнгольм**» (1794) вобрала в себя немалое количество общих мест, заложенных первыми классическими готическими романами Хораса Уолпола, Анны Радклиф, Клары Рив и других ранних мастеров литературы «ужаса» и «страха». В конце XVIII века русский читатель только начал знакомиться с описанными в этих романах мрачными замками, родовыми проклятиями, тайнами, сокрытыми в душных подвалах, призраками и зловещими манускриптами. Однако особенно интересно, что Карамзин не просто ориентировался на литературную готику, а стал одним из её первооткрывателей, так как к моменту публикации повести «Остров Борнгольм» многие классические образцы готического жанра ещё не были созданы: например, Анна Радклиф ещё не написала свой нашумевший сентиментально-готический шедевр — роман «Итальянец, или Исповедальня кающихся, одетых в чёрное», а Мэтью Грегори Льюис опубликует своего ужасающего «Монаха» только через два года после «Острова Борнгольм». Так что, как пишет главный исследователь готического романа в России В.Э. Вацуро, «в каком-то отношении Карамзин даже предвосхищал традицию классической готической литературы или, во всяком случае, шёл ей параллельно».

«Остров Борнгольм» — самое загадочное и таинственное произведение Карамзина, которое быстро стало невероятно популярным в читательской среде. Давайте же посмотрим, что так заинтриговало публику. Своё повествование Карамзин начинает с ситуации, ставшей впоследствии общим местом для огромного количества готических романов и страшных рассказов в мировой литературе: несколько героев рассказывают друг другу истории у костра или под треск дров в камине. Так и у Карамзина: «Дуб и берёза пылают в камине нашем — пусть свирепствует ветер и засыпает окна белым снегом! Сядем вокруг алого огня и будем рассказывать друг другу сказки и повести, и повести, и всякие были». Больше того, повествователь

Глава I

«Острова Борнгольм» говорит, что рассказ его — правда: «Слушайте — я повествую — повествую истину, не выдумку». Рассказчик вспоминает случай, произошедший с ним во время путешествия в Англию на корабле. Его рассказ создаёт впечатление настоящих путевых записок. Например, Карамзин упоминает название судна и прописывает настоящий маршрут от Грейвзенда (Англия) через остров Борнгольм (Швеция). Выдумал ли Карамзин этот остров или его действительно можно отыскать на карте?

Существует ли таинственный остров Борнгольм?

Не могу вам не рассказать про локацию первой в истории русской литературы готической повести поподробнее. Борнгольм — реально существующий датский остров в юго-западной части Балтийского моря. Остров сложен из гранита и песчаников, на нём есть хвойные леса, дюны, холмы, гора, которую Карамзин упоминает в тексте как «распавшуюся кремнистую гору» и водопад Доналенфалл в скалистой части острова — самый высокий водопад в Дании, между прочим. Остров почти всегда принадлежал этой суровой стране, и описание его, данное Карамзиным, очень даже достоверно: «На правой стороне видите вы датский остров Борнгольм, место опасное для кораблей; там мели и камни таятся на дне морском». Однако из этой достоверности автор строит необходимый для таинственного сюжета готический пейзаж: например, упоминает «грозные скалы, откуда с шумом и пеною свергались кипящие ручьи во глубину морскую». Пейзаж у Карамзина намеренно страшный, провоцирующий у героя мысли о смерти. Так, остров кажется рассказчику «со всех сторон неприступным, со всех сторон ограждённым рукою величественной природы; ничего, кроме страшного, не представлялось на седых утёсах. С ужасом

видел я там образ холодной, безмолвной вечности, образ неумолимой смерти и того неумолимого творческого могущества, перед которым всё смертное трепетать должно». Перед нами не просто пейзажная зарисовка, а значимый эстетический антураж, который призван показать и читателю, и герою повести: каждый камень этого острова шепчет, что это место отмечено роковой печатью, и именно здесь таится нечто устрашающее. Конечно же, остров Борнгольм у Карамзина — герой, без которого история не состоялась бы. Борнгольм представлен как место дикое, изгнанное, отдалённое от «нормального» цивилизованного мира, и в литературном тексте играет роль настоящего готического лабиринта тайн.

На реальном острове сохранилось множество руин древних замков и даже донжон (главная башня; донжон — слово происходит от лат. *dominionem* — «место, принадлежащее сеньору») с темницей, где в XVII веке томилась преинтереснейшая пленница. На этом остановлюсь подробнее, так как одна из самых ярких частей «Острова Борнгольм» — как раз встреча рассказчика с удивительной узницей. Так вот, в начале 1660-х в темнице борнгольмского замка Гаммерсгус (что можно перевести как «Дом молота»), который был крупнейшим средневековым защитным сооружением в Северной Европе, держали в заточении дочь датского короля Кристиана IV Леонору Кристину Ульфельдт и её супруга — бывшего королевского гофмейстера (управляющего монаршим двором), который перешёл на сторону шведов, предав короля и Данию. Пара пыталась неудачно сбежать из крепости, однако была помилована, и супруги уехали за границу, в Англию. Через пару лет Леонору снова заперли — уже в другом датском замке, где она провела 22 года. Впоследствии Леонора стала героиней множества местных романтических легенд и преданий, и история несчастной Лилы из «Острова Борнгольм» вполне вписывается в этот ряд.

Привидение или человек: тайна юноши с мёртвыми чувствами

В центре сюжета «Острова Борнгольм» — разветвлённая тайна. Начинается она со знакомства повествователя с гревзендским юношей в Англии, а продолжает разворачиваться в сцене встречи путешественника с девушкой в островной темнице. О потаённой связи между этими двумя героями читатели могут догадываться по намёкам, которых особенно много в печальной песне юноши. По сюжету, рассказчик встречает на берегу «против местечка Гревзенда» молодого человека. Наружность его примечательна: «худой, бледный, томный — более привидение, нежели человек». Герой этот становится настоящим магнитом для рассказчика, что неудивительно: «в одной руке держал он гитару, другою срывал листочки с дерева и смотрел на синее море неподвижными чёрными глазами своими, в которых сиял последний луч угасающей жизни». Хочется отметить предельную наблюдательность героя-рассказчика Карамзина, а также его равнодушие к судьбе странного юноши. Так, рассказчик замечает, что весь вид юноши говорил о том, что «чувства его были мертвы»: «Несчастный молодой человек! — думал я. — Ты убит роком. Не знаю ни имени, ни рода твоего; но знаю, что ты несчастлив!»

Мотив рока, беспощадных ударов судьбы — типичный для готики, но я напомним, что Карамзин тут один из первооткрывателей, а не просто автор, умело использующий шаблоны. Для примера возьму один из самых ярких эпизодов встречи рассказчика и юноши: последний, сопровождая себя на гитаре, поёт песню на датском языке. В ней звучит многое из того, что отчасти приоткрывает нам тёмную завесу тайны судьбы юноши. В своей печальной песне полупризрачный герой говорит о том, что «законы любви осуждают предмет его любви», что некие «безжалостные души» проклинаят его страсть к девушке по имени Лиля

и что родительское проклятие удалило его с берегов Борнгольма за эту чёртову связь. Песня юноши — вставной текст, помещённый Карамзиным для того, чтобы одновременно и опозитизировать, и описать для путешественника и читателей степень невероятно болезненного состояния героя, который уже готов утопить своё горе в синих волнах. Такие вставные песни, баллады и стихотворения позже станут особенно популярными в готических историях мировой литературы: вспомним, например, балладу «Обитель привидений», которую исполняет Родерик Ашер в «Падении дома Ашеров» (1839) Эдгара Аллана По. Кстати, гревзендский юноша, сам схожий с привидением, упоминает в своей песне призрак, призывая тень любимой. Да, в песне много намёков, но всё же Карамзин намеренно не раскрывает нам всех карт, а, напротив, усиливает приём недосказанности и держит интригу, постепенно подбираясь к ещё одной важной встрече рассказчика — с девушкой-узницей на острове. Таким образом, предысторию героев читатель может восстановить только отчасти, сопоставляя отрывочные сведения и лишь догадываясь о случившемся. Повесть предельно таинственна: да, мы видим любовников, несчастных и разлучённых. Но кто они — мы не знаем. Почему их любовь осуждают — это тоже покрыто мраком тайны. Однако этот блестящий ход Карамзина вполне намерен: мы и не должны этого знать, иначе из произведения улетучился бы весь поразительный, мрачный и роковой готический колорит.

Острые башни островного замка

Все события и детали «Острова Борнгольм» направлены на сгущение тревожной атмосферы. Карамзин своим описанием страшного острова подготавливает читателя к описанию самой излюбленной готической локации —

Глава I

средневекового замка, стены и коридоры которого помнят коварство, ложь и прочие преступления и грехи его обитателей. Здесь писатель действует в рамках литературной традиции, заложенный в «Замке Отранто» и в первых романах Анны Радклиф, где полуразрушенное зловещее аббатство возвышается над грозным и сумеречным ландшафтом. Так и готический замок Карамзина — магистральная точка холодного скалистого острова. Пейзаж у Карамзина намеренно и устрашающий, и величественный. Такое сочетание восторга и страха в первых образцах готической литературы становится главным эстетическим нервом сюжета и призвано вызвать у героя и читателя особое психологическое состояние трепета, спровоцированного некой надмирной страшной силой. Так и в «Острове Борнгольм» «хладная безмолвная вечность», «образ неумолимой смерти» и т.д. — всё носит зловещий характер, и в этой атмосфере тревожного ожидания проступают контуры борнгольмского замка.

Замок также страшен — наш путешественник впервые видит его острые башни в отсветах алой зари. Именно ему, замку, принадлежит особая роль хронотопа, где само замковое пространство не просто здание, а символ замкнутой, изолированной жизни, упадка и одиночества, а также вместилище ужасных тайн прошлого, которое просачивается в настоящее. Провожатый рассказчика — мальчик — сразу же предостерегает путешественника, что ходить в замок опасно: «Мы туда не ходим, и Бог знает, что там делается!» Но герой приближается к замку, и вместе с ним мы словно видим это «большое готическое здание, окружённое глубоким рвом и высокой стеной».

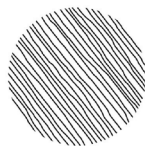
Карамзин подчеркивает заброшенность величественной обители, окутанной царственной тишиной. Замковый двор зарос кустарником, крапивой и полынью (конечно же, не просто так автор указывает на эти два растения — символы печали и греха). Внутри замка приветливее

не становится: «Везде было мрачно и пусто. В первой зале, окружённой внутри готического колоннадою, висела лампада и едва-едва изливала бледный свет». Зловещий слуга в чёрном одеянии и с единственной свечой в руке проводит путника через длинные узкие переходы к большой комнате, на стенах которой висит «древнее оружие, мечи, копья и латы». Таким образом, давящая и душная обстановка сужается и по мере этого сужения становится всё более тревожной, и у читателей, как и у повествователя, уже не остается никаких сомнений: «Здесь обитает вечная горьсть».

Хозяин замка: тиран и жертва

Разумеется, у грандиозной устрашающей обители должен быть соответствующий хозяин. В готической литературе таковым становится злодей, за чёрной душой которого тянется вереница преступлений. Образы таких злодеев мы встречаем уже в самых ранних готических романах: таковы Манфред из «Замка Отранто», Уолтер Лоуэлл из «Старого английского барона» и Ватек из одноименного романа Уильяма Бекфорда. Однако у Карамзина владелец борнгольмского замка не типичный готический душегубец. Седовласый старец — хозяин замка — предстаёт в «Острове Борнгольм» одновременно и тираном, и жертвой. Облик и речи этого героя отражают его собственные страдания и муки.

Он признаётся путешественнику, что давно уже не только удалил от себя людей, но и отринул самые живые чувства: «Давно живу я в уединении, давно не слышу ничего о судьбе людей. Скажи мне, царствует ли любовь на земном шаре?» Да, хоть этот старик оказывается жестоким отцом, изгнавшим сына и заточившим дочь, обрекая их на мучения, он страдает не меньше, так как был вынужден наказывать своих

ОГЛАВЛЕНИЕ

08	ГЛАВА I
ГОТИЧЕСКИЙ РАССВЕТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
23	ГЛАВА II
ОБИТЕЛЬ ЗЛА
105	ГЛАВА III
ПРИВИДЕНИЯ В РУССКОЙ
ГОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
135	ГЛАВА IV
ВЕДЬМЫ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
200	ГЛАВА V
НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ —
ГЛАВНЫЙ «ГОТ»
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

225 ГЛАВА VI
«КО МНЕ, УПЫРИ! КО МНЕ,
ВУРДАЛАКИ!»: ВАМПИРЫ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

267 ГЛАВА VII
«УЖ НЕ ЧЕРНОКНИЖНИК
ЛИ ОН?»: ГОТИЧЕСКИЙ
ТУРГЕНЕВ

280 ГЛАВА VIII
ПРИВЕТ, ДВОЙНИК

305 ГЛАВА IX
ОДУРАЧЕННЫЕ ЧЕРТИ
И «БЛЕДНЫЕ» ДЬЯВОЛЫ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

338 ГЛАВА X
БАЙКИ ИЗ СКЛЕПА: РУССКАЯ
КЛАДБИЩЕНСКАЯ ПРОЗА

374 ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ
СТОИТ ЧИТАТЬ ГОТИЧЕСКУЮ
ЛИТЕРАТУРУ

376 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ